

Чтобы представить актера театра и кино Александра Михайлова, достаточно назвать фильм "Любовь и голуби" режиссера В.Меньшова. А еще были "Мужики", "Змеелов", "Очарованный странник", "Одиноким предоставляется общежитие" и много других. Немало ролей сыграно им на сцене, последняя же работа — роль Ивана Грозного — особенно важна для актера. Этот спектакль идет в Малом театре с неизменным аншлагом. Кстати, бывший секретарь Совета безопасности Александр Лебедь в первый же день после своей отставки посетил этот спектакль, "чтобы поучиться, как руководить государством".

В начале нашей беседы Михайлов признался мне, что ради этой роли даже отрастил бороду. *Реч. клуб. - 1997. - 9 окт. - с. 7.*

ФОТО ВАЛЕРИИ ПЛОТНИКОВА.

Александр МИХАЙЛОВ: С приклеенной бородой мне Грозного не сыграть

— Но ведь вы могли ее приклеить...

— За спектакль я теряю четыре килограмма веса и меняю несколько пар белья. Можете себе представить, что будет с приклеенной бородой? А вообще с этим образом связаны мистические вещи.

— Что вы имеете в виду?

— А вот смотрите: Олег Борисов ушел из жизни после того, как сыграл Грозного, Евстигнев тоже. Эйнштейн снял о нем фильм и умер. Отец Миши Боярского тоже скончался после работы над этой ролью. И ко мне смерть была близка. После шестого спектакля я попал в реанимацию, потому что пошла кровь горлом. Полгода пролежал в институте Склифосовского.

— Как вы это объясняете?

— Ну, что касается меня, то, по моему, сказалось слово "смерть", стоявшее ранее в названии пьесы. И я стал уговаривать наше руководство заменить его на "царь". Ибо убежден, что слово способно материализоваться. Я даже собирался уйти из театра. Но в конце концов название изменили.

— Похоже, по характеру вы очень мягкий человек. Откуда почерпнули жестокость, присутствующую царю Иоанну?

— Это произошло интуитивно. И мой Иван Грозный не жестокий и кровожадный, а страдающий, как верно сказал об этом композитор Свиридов, написавший музыку к спектаклю. Для меня это — высшая оценка. Вообще личность этого царя раскрыта историками, по моему, односторонне. Кроме крови и жестокости, не хотят видеть ничего. А Иван Васильевич, между прочим, был одним из самых образованных людей в Европе, не только в России. И по-своему гуманным. Когда Ермак завоевал и преподнес Ивану Грозному Сибирь, тот сказал ему: "Не насильствуй веру православную и местные народы. Беда на Руси может быть!" Кто это скажет сегодня? Никто.

Или — папа римский писал: "Царь Иван Васильевич, позволю прикоснуться латинику к православию, построить посреди стольного града Москвы католический храм и дай нам отроков для обучения латинике". Иван IV ответил: "Не допускаю ереси в России, ибо вы присели перед Господом, а мы стоим, стоим и стоять будем, ибо вера наша — есть великий труд!"

— Именно это лично вам и близко?

— Вот это мне и близко! По сегодняшней трактовке, Иван Грозный образован и умен.

— Значит, много все-таки в вас от образа царя?

— Еще как!

— Но ведь Грозный — не божеский человек?

— Божеский!

— А жестокость?

— А какой правитель не жесток? Другие сделали в тысячу раз хуже. Например, Хрущев отделил Крым от России. Какое отношение имеет Украина к Крыму? А это самая горячая точка в будущем. Самая страшная.

— И конец света будет?

— Я готов. Как сказал Гамлет, принц Датский: "Несчастья начались, готовьтесь к новым". За все время существования человечества было 14 тысяч войн. И всего 300 лет были мирными. "Ибо завладел Сатана голубой планетой". Но нельзя предсказывать. Грех.

— А астрологи?

— Это вещи, чуждые христианству. Все эти цифры...

— А про свое будущее вы знаете?

— Нет, не знаю и не хочу. Знаю, что дважды был в клинической смерти. Я был там, и там прекрасно!

— Ваш сын похож на вас?

— Да, но многое взял от матери — руку (пишет хорошо) и ум ее. Я более экспансивный, эмоциональный, а Вера — уравновешенный человек. Мы женаты уже тридцать лет. Познакомились во Владивостоке в Институте искусств, где я учился на театральном факультете, а Вера Мусатова — на музыкальном.

— Чем занимаетесь ваш сын?

— Он без моего согласия пошел в студию Олега Табакова; проучившись два года, ушел и поступил на Высшие режиссерские курсы. В этом году должен получить диплом, работает на радио. Я доволен, что мой сын по духу очень тонкий мальчик.

— Вы родились во Владивостоке?

— Нет, в Забайкалье, в степном поселке, прожил там 15 лет.

— А потом решили стать актером?

— Я мечтал стать только моряком. Мы с мамой уехали во Владивосток, чтобы я поступил в мореходное училище. Однако не получилось, пришлось пойти в ремесленное училище. Потом все-таки сбежал на корабль учеником моториста и ходил два года на рыбацких судах. Однажды случилась катастрофа — во время двенадцатибалльного шторма погибло много моих товарищей. Мама сказала: "Или море, или я!" Я у нее был один и вынужден был спастись с корабля.

— Молодец мама!

— Что — молодец... Может быть, я был бы счастливее, чем в театре. Я обожал море, океан. Но стал работать на заводе слесарем, потом электромехаником на швейной фабрике. Случайно попал на постановку "Иванов" по Чехову. Не предполагал, что могу плакать от спектакля. И в этот вечер пришел на берег Амурского залива и попрощался с Тихим океаном. Я понял, что оказался в плену актерской профессии и театра. Удивительное открылось для меня. Года два не поступал, стеснялся, а потом, когда перестал спать ночами, решил пойти в театральный институт. Первая моя роль — Раскольников в "Преступлении и наказании" во Владивостокском драматическом театре. Чуть крыша у меня не поехала. Вообще я считаю, что к такому писателю, как Достоевский, надо подходить подготовленным и духовно, и физически. А я был беззащитен по молодости лет и ночами по 10 старушек "тюкал". В холодном поту просыпался. Потом было мощное нервное

истощение, и премьеру отложили на полтора месяца. В Саратове играл Вершинина в спектакле "Три сестры", князя Мышкина в "Идиоте".

— Актерская профессия лечит или калечит?

— И то, и другое. Лечит людей, влюбленных в профессию, но любовь эта не беспредельна. Когда ты становишься на грань патологической влюбленности, профессия начинает мстить. Но сцена — великое испытание. Это почище рентгена. Выходит человек на подмостки, и сразу видно, каков он, каково его мировоззрение. Актер на сцене раздет догола в духовном смысле.

— Над чем сейчас работаете?

— Репетирую роль Дорна в "Чайке" Чехова, возможно, исполню несколько романсов (ведь Дорн все время что-то напевает). А в кино снялся у режиссера Самсона Самсонова по рассказу Толстого "Любовь" с замечательными партнерами — Вячеславом Тихоновым и Станиславом Говорухиным. Раньше я снимался у него же в фильме "Одиноким предоставляется общежитие" в паре с Наташей Гундаревой.

Роли иногда формируют характер актера. Мир Толстого, Достоевского, Чехова многое дает мне. Все это откладывается в моей душе. Происходит процесс, объяснить который я не могу, да и не надо, наверное. Искусство — это таинство. Театр — храм. Вроде бы не богоугодное заведение, но важно, с чем ты туда идешь, что ты несешь людям, какой Храм в тебе самом, какой крест на тебе.

— Саша, вы вообще поете?

— Я не пою, а напеваю. Чувствую русскую народную песню. Например, "Липу вековую", которую знаю с детства и пел ее вместе с мамой, а потом — в фильме Валерия Лонского "Приезжая". У нас никак не шла одна сцена, Валерий сделал перерыв и ходил нервничал. Я тихо для себя запел: "Липа вековая..." Лонской воскликнул: "Вот это и есть решение сцены, нужно в кадре петь эту песню". Так мы сняли удачно этот сложный эпизод.

Мне нравятся сюжетные песни, где есть образы. Слово "безобразия" — от "без образа", а когда есть образ, тогда и благодать наступает, тогда и слово — животворящее, живое.

Сегодняшнее время я ощущаю как безобразное, когда разбрасываются камни, когда Сатана совершенно спокойно выходит на экран, на сценические площадки, а если говорить о рок- и поп-музыке, то должен сказать, что низкие частоты бьют и бьют в подсознание. Человек становится бесом. Это целая технология, зомбирующая молодежь. Я боюсь не за себя, а за внуков, за их будущее. Когда вижу бессмысленные, одуревшие глаза, становится жутковато. Я против цензуры как таковой, но есть еще цензура совести и стыда, Божья цензура. Пока она отсутствует.

Встречалась Надежда РЕПИНА, корр. еженедельника "Панорама" (США).